

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164982-1001>

Каймаразов Гани Шихвалиевич

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

kaymarazova@mail.ru

Каймаразова Лейла Ганиевна

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

kajmarazova64@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Сегодня правовое положение российской женщины и создание условий для достижения равноправия мужчин и женщин находится в поле зрения государства и общества. В этой связи несомненный научный и практический интерес представляют изучение и обобщение исторического опыта гендерного регулирования в Советской России (1917–1991), особенно в период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг., к завершению которого власть объявила о решении «женского вопроса». Проблемы правового статуса российских женщин нашли отражение в трудах отечественных, в том числе региональных, и зарубежных специалистов. Современные историографические наработки, новые источники (от нормативных и делопроизводственных документов до материалов периодических изданий и эго-документов), использование принципа историзма, системного и антропологического подходов, сравнительно-исторического, сравнительно-правового и описательного методов позволяют раскрыть изменения, произошедшие в обозначенный период в правовом положении женщины-горянки Дагестана. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как в условиях полиэтничного региона советское законодательство первых десятилетий советской власти, внося коррективы в права и обязанности горянки, находившейся под огромным влиянием ислама и исторически сложившихся традиций дагестанского общества, меняло ее положение и предоставляло новые возможности для реализации своих устремлений в бытовой, экономической, профессиональной, политической и культурной деятельности. В статье дается оценка некоторых «традиционных» практик группировок, недовольных проводимой советской властью политикой и организовывавших публичные выступления женщин. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводам о том, что советская власть рассматривала женщин как своего союзника в социалистических преобразованиях, а юридическое и экономическое равноправие мужчин и женщин, зафиксированное в советских законах, создавало условия для вовлечения женщин во все сферы жизни дагестанского общества. В то же время в рассматриваемый период преобладание традиционной формы семьи продолжало обеспечиваться строжайшим социальным контролем.

Ключевые слова: Дагестан; гендерное регулирование; социалистические преобразования; ислам; традиции; женщина-горянка.

© Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г., 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164982-1001>

Gani S. Kaimarazov,
D.Sc. (History), Professor, Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
kaymarazova@mail.ru

Leila G. Kaimarazova,
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
kajmarazova64@mail.ru

LEGAL STATUS OF WOMEN-HIGHLANDERS IN THE END OF 1920S – FIRST HALF OF 1930S: EXPECTATIONS AND REALITY

Abstract. The modern legal status of a Russian woman and the establishment of conditions for achieving equality between men and women have been in the focus of the state and society. In this regard, the study and generalization of the historical experience of gender regulation in Soviet Russia (1917–1991), especially in the late 1920s – early 1930s, is of undoubted scientific and practical interest, by the end of which the authorities announced the solution to the “women’s question”. The issues of the legal status of the Russian women are reflected in works of native, as well as regional and foreign experts. Modern historiographical groundwork, new sources (starting from the normative and record-keeping documents to materials of periodicals and ego-documents), the use of the principle of historicism, systematic and anthropologic approaches, comparative-historical, comparative-legal and descriptive methods allow to reveal the legal status of women-highlanders of Dagestan.

The study aims to demonstrate how in the conditions of the polyethnic region the Soviet legislation of the first decades of Soviet power, making adjustments to the rights and obligations of a highland woman who was under the great influence of Islam and the historically established traditions of Dagestan society, changed its position and provided new opportunities for implementation women’s aspirations in everyday, economic, professional, political and cultural life. The paper provides estimations on some “traditional” practices of women, who were discontented with policies carried out by the Soviet power and who organized public marches.

As a result of the study, the authors come to the conclusion that the Soviet authorities viewed women as their ally in socialist transformations, and the legal and economic equality of men and women, recorded in Soviet laws, created conditions for the involvement of women in all spheres of life of the Dagestan society. At the same time, during the period under review, the predominance of the traditional form of the family continued to be ensured by the strictest social control.

Keywords: Dagestan; gender regulations; socialistic transformations; Islam; traditions; woman-highlander.

© G.S. Kaimarazov, L.G. Kaimarazova, 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Проблема правового статуса мужчин и женщин в Российской Федерации и в наши дни не теряет своей актуальности. Обеспечение их равноправного участия во всех сферах жизни общества требует внимания и активных действий как со стороны государства, так и со стороны общества. Сегодня гендерный дисбаланс в пользу мужчин сохраняется во всех ведущих сферах жизни российского общества – политике, управлении, экономике, и российские властные структуры избрали демографическую стратегию для создания условий достижения гендерного равноправия [1, с. 12].

Поскольку вопросы правового положения мужчин и женщин, гендерного равенства исследованы недостаточно, то в последнее время они все чаще привлекают внимание социологов, политологов, юристов, этнологов и историков. Изучению «женского вопроса» и нового научного направления в России – гендерной истории, в том числе проблемам, связанным с изменением положения женщин за годы советской власти, посвятили свои труды Н.Л. Пушкарева [2, с. 51–64]¹, О.А. Хасбулатова [3, с. 3–16], Л.Н. Денисова [4], Ю.Ю. Карпов [5], Т.Ф. Юдина [6], А.М. Лушников [7, с. 182–189], А.В. Силин [8, с. 191–194], Н.Б. Лебина [9] и др.

Гендерный аспект социально-экономической, политической, культурной, повседневной истории России советского периода вызывает живой интерес у зарубежных специалистов. Профессор кафедры истории Университета Карнеги-Меллона Венди З. Голдман, автор книги о социальной истории советских женщин-работниц в 1930-е гг., подчеркивая важность провозглашения советским государством равенства полов, представила свое видение причин, структуры, трактовку культурных традиций, удерживавших женщин в подчиненном положении в разных экономических системах [10, с. 10]. Ш. Фицпатрик в книге об осуществлении коллективизации в СССР описывает процесс участия женщины-крестьянки в социалистическом переустройстве деревни, повлекшем за собой существенные изменения ее статуса – освобождение от патриархального гнета, самоутверждение на трудовом поприще, вовлечение в политическую жизнь деревни, культурные преобразования [11]. Одну из глав своей книги М. Делалой [12] посвятила анализу гендерных моделей поведения и политике Советского государства, в том числе в изучаемый нами период. Отметив различия в «государственных инициативах» и практиках, касающихся женского вопроса в 1920-е и 1930-е гг., М. Делалой обращает внимание на то, что в сознании большевиков деревня представлялась наиболее отсталой в плане равенства мужчин и женщин, поскольку была замкнута в древнем патриархальном быте [12, с. 43]. Обзор дискуссий о гендере, женщинах и их положении в обществе в историческом контексте размещает в своей книге «Женщины и гендер в исламе: исторические корни современной дискуссии» профессор из США Л. Ахмад [13].

1 Пушкарева Н.Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117. 5/2012 // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/, дата обращения 15 июля 2020 г.

«Женская» история, основанная на марксистско-ленинской методологии, разрабатывалась и региональными специалистами, в том числе учеными Дагестана. В сфере научного интереса С.М. Омарова [14], Г.Ш. Каймаразова [15], А.И. Гасановой [16], С.Ш. Гаджиевой и А.Г. Мелешко [17], М.Я. Мирзабекова [18] и др. оказались вопросы, связанные с вовлечением женщин-горянок в социалистическое строительство, промышленное и сельскохозяйственное производство, культурные преобразования, общественно-политическую жизнь региона. Особое место в трудах, которые носят академичный характер, отводилось теме «раскрепощения» горянки, изменению ее правового статуса.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе принципа историзма, который и сегодня лежит в основе многих научно-исторических построений, системного и антропологического подходов, с использованием сравнительно-исторического, сравнительно-правового и описательного методов раскрыть изменения, произошедшие в правовом положении женщины-горянки полиэтничного Дагестана в конце 1920 – середине 1930-х гг. Изменения эти касались многих сфер жизни дагестанки: трудовой, общественно-политической, культурной (в первую очередь, образовательной и культурно-просветительной), семейно-бытовой. Каждому из этих аспектов, с учетом отсутствия монополии на методологию, новых источников и современных историографических наработок, можно посвятить отдельное исследование.

Заявленная хронология исследования выбрана не случайно. Региональные исследователи, а также ученые других национальных районов бывшего СССР, анализируя исторический опыт Советского государства в области гендерной политики на начальном этапе социалистического строительства, чаще всего хронологические рамки определяли двумя первыми десятилетиями советской власти [19, с. 110–118; 20, с. 104–113; 21, с. 52–56; 22, с. 183–186]. В то же время отечественные и зарубежные авторы в этих десятилетиях усматривают даты, заслуживающие особого внимания. О.А. Хасбулатова, изучая гендерный аспект в образовательных процессах, отмечала важность рубежа 1920 – 1930-х гг., когда неграмотность российских женщин была в основном ликвидирована и создавались условия для ускорения темпов подготовки специалистов из числа женщин при сохранении традиционных культурных норм о предназначении полов, высокой трудовой и бытовой загруженности, ориентации на семью и воспитание детей [23, с. 31 – 35; 3, с. 3–16]. В.З. Голдман, рассматривая проблему гендерной сегрегации в советской промышленности, особое внимание уделила годам первой пятилетки (1929–1932), связывая их с индустриализацией в СССР [10, с. 9]. М. Делалой, характеризуя советскую политику гендерного регулирования, выделяет 1934 г., когда власть объявила о решении «женского вопроса» и предложила эмансипацию, прежде всего для женщин из непривилегированных слоев [12, с. 45]. Н.Л. Пушкарева 1929–1934 годы в периодизации истории женщин в Советской России назвала «великим переломом», отметив, что государство продолжало поддерживать новую семью как первоячейку советского общества, а в деревне, где полным ходом шли процессы коллективизации, –

по-прежнему проводить политику раскрепощения женщин². Уровень раскрепощения женщин Северного Кавказа, по мнению историка-гендеролога и этнолога М.А. Текуевой, местное руководство напрямую связывало со степенью отхода горянок от различных сословных, патриархально-родовых и религиозных установок, а период с 1928 до середины 1930-х гг. отводило для решения задачи полного раскрепощения горянки [24, с. 149–152; 25, с. 303–329]. Применительно к условиям Дагестана хронологические рамки с конца 1920-х до середины 1930-х гг. представляются нам наиболее предпочтительными для реализации цели нашего небольшого исследования.

Географические рамки исследования определены территорией современного Дагестана, а аналогии, проводимые с соседними национальными районами, выглядят, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку кавказские женщины являются носителями реально существующего комплекса черт культуры, выделяющего Кавказ среди других регионов [5, с. 6].

В предлагаемой статье мы сосредоточили свое внимание на том, как советское законодательство первых десятилетий советской власти, внося коррективы в права и обязанности горянки, находившейся под огромным влиянием ислама и исторически сложившихся традиций дагестанского общества, на практике меняло ее положение и предоставляло новые возможности для реализации своих устремлений в бытовой, экономической, профессиональной, политической и культурной деятельности.

В основу исторического изучения обозначенной проблемы, как правило, ложатся не только исторические, но и историко-правовые источники, что определяет специфику исследования. Поскольку настоящее исследование является историческим, в качестве его документальной базы были использованы все виды традиционных источников: нормативные и делопроизводственные документы центральных и местных органов государственной власти, материалы коммунистической партии и комсомола, судебных и следственных органов, периодических изданий (журналы и газеты) и эго-документы (дневники, воспоминания). Многие из этих источников ранее в научный оборот не вводились.

Исторический процесс достижения гендерного равноправия нашел яркое отражение в политике Советского государства по обеспечению равенства прав и свобод мужчин и женщин в СССР, которая была направлена не только на полное уравнивание предоставляемых им прав, но и на создание равных возможностей для их реализации.

Практически сразу после прихода к власти в 1917 г. партия большевиков приступила к осуществлению мероприятий по реформированию всей системы социальных отношений, в том числе и гендерных. В числе первых законодательных актов Советского государства были декреты, в которых регламентировались права женщин. Декрет СНК РСФСР о восьмичасовом рабочем дне (29

2 Пушкирева Н.Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117. 5/2012 // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/, дата обращения 15 июля 2020 г.

октября 1917 г.) запрещал ночной труд женщин. Декрет СНК РСФСР о пособии по беременности и родам (14 ноября 1917 г.) предоставлял женщине право на сохранение рабочего места и оплачиваемый отпуск. Декрет СНК РСФСР об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений (27 июня 1918 г.) устанавливал минимальную заработную плату, независимо от пола, и утверждал принцип равной оплаты мужского и женского труда. Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния (20 декабря 1917 г.) закрепил гражданские браки, объявил церковный брак частным делом брачующихся, устранил дискриминацию внебрачных детей. Декрет о расторжении брака (19 декабря 1917 г.) максимально упростил процедуру развода и закрепил положение о расторжении брака по желанию одного из супругов. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (12 января 1918 г.) провозгласила, что права не должны зависеть от пола. Конституция РСФСР 1918 г. не определяла гендерное равенство, но статья 64 Конституции закрепляла право женщин наряду с мужчинами избирать и быть избранными в Советы. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (16 сентября 1918 г.) устанавливал, что только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в Отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов. Основным условием вступления в брак стало достижение брачного возраста: для женщин – 16 лет, для мужчин – 18. По мнению части исследователей, изучавших вопросы правового положения женщин в первые месяцы и годы после установления новой власти, эта разница в возрасте брачующихся стала одним из первых гендерных дисбалансов советского гражданского законодательства [26, с. 132]. Тем не менее, уже в 1918 г. женщины Советской России могли свободно выбирать место жительства, профессию, имели право на равную оплату за равный с мужчинами труд, на получение образования, на расторжение брака.

Кодексы законов о труде РСФСР 1918 г. и 1922 гг. запрещали применение труда женщин и лиц моложе 18 лет в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. не декларировали прав и свобод человека и гражданина, а вот Кодексом законов о браке, семье и опеке, который вступил в силу 19 ноября 1926 г., впервые был установлен единый брачный возраст для лиц, вступающих в брак – 18 лет. Таким образом, женщины были уравнены в правах с мужчиной в вопросе требования к возрасту вступающих в брак [26, с. 134]. Помимо этого, отныне ранние браки не должны были препятствовать получению женщиной образования и ее профессиональному росту.

В национальных республиках и областях Кавказа вопрос об установлении брачного возраста вызвал неоднозначную реакцию. К примеру, в Азербайджане в республиканской прессе, на собраниях с широким привлечением общественности, а также на женских собраниях, во второй половине 1926 г. прошла дискуссия, с учетом итогов которой Президиум АзЦИК принял постановление, оставившее без изменения минимальный брачный возраст для женщин –

16 лет, для мужчин – 18 лет [27, с. 57]. В Дагестане довольно широкое обсуждение этого и других вопросов, касающихся правового статуса горянки, также прошло в 1926 г., после принятия соответствующего постановления ЦИКа и Совнаркома Дагестанской АССР. Подобный подход к проблеме имел место и в других государственных национальных образованиях региона, где указанный минимальный брачный возраст для мужчин и женщин сохранялся вплоть до конца 1950-х гг., а в описываемое нами время и местным руководством, и общественностью, да и исследователями «женской» истории в последующие годы, рассматривался как безусловное достижение советской власти в деле «раскрепощения» горянки.

Законодательно равенство мужчин и женщин в СССР в политических и гражданских правах было закреплено Конституцией СССР 1936 г. Основной Закон Союза Советских Социалистических Республик предоставлял женщине равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. В статье 122 документа говорилось, что «возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [27, с. 102]. Статья 135 Конституции закрепила право участия в выборах всех граждан СССР, достигших 18 лет, независимо от пола, а статья 137 – право женщин избирать и быть избранными наравне с мужчинами. Таким образом, конституционно закреплялось право женщин быть представленными во всех структурах власти – от Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик СССР до низового звена – Советов народных депутатов и участвовать в государственном управлении.

18 июня 1925 г. в ответ на обращение Президиума ЦИК СССР «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-правовой» (13 февраля 1925 г.) Дагестанский ЦИК создал Комиссию по улучшению труда и быта горянок, а 9 октября 1925 г. на второй сессии пятого созыва принял постановление «О правах трудящихся женщин-горянок». В 1926 г., 7 марта, накануне празднования Международного женского дня, Дагестанский ЦИК и СНК ДАССР издали постановление «О правах трудящихся женщин-горянок ДАССР». Этот законодательный акт предоставлял женщинам-горянкам «полное равноправие с мужчинами», право избирать и быть избранными во все органы советской власти, не исключая самых высших государственных должностей. Женщина-горянка получала право свободно выбирать занятие и профессию, приобретать и отчуждать имущество, добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании советских законов.

Согласно документу, девушка-горянка могла вступать в брак лишь по достижению ею 16-летнего возраста. Женщине-горянке предоставлялась полная

свобода в деле выбора мужа, насилие над личностью свободной гражданки – горянки, не допускалось и влекло за собой уголовную ответственность. Строго каралось законом вступление в брак несовершеннолетней девушки или принуждение к этому со стороны родителей, опекунов или родственников. Запрещалось двоеженство, многоженство, а также взимание при заключении брака калыма, в каком бы то ни было виде и размере.

После выхода в свет постановления ДагЦИКа и СНК ДАССР были внесены изменения в Уголовный кодекс Дагестанской АССР. Кодекс предусматривал наказание за такие бытовые преступления, как похищение женщины для вступления с нею в брак, принуждение женщины, достигшей брачного возраста, ко вступлению в брак против ее воли, вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости, или принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников, принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воле, в частности, путем уплаты калыма каралось лишением свободы до двух лет, а многоженство каралось лишением свободы сроком до одного года [16, с. 36–37].

Аналогичные решения принимались в союзных республиках Закавказья и в национальных областях Северного Кавказа. К примеру, в Адыгейской (Черкесской) автономной области борьба с бытовыми преступлениями началась со второй половины 1925 г., когда были изданы «особые законоположения... о бытовых преступлениях» [27, с. 56]. А Президиум Исполнительного комитета Ингушской автономной области 11 мая 1930 г. выступил за усиление наказаний за совершение бытовых преступлений, учитывая их социальную опасность и трудность борьбы с ними [27, с. 80–81]. В 1929 г. в Уголовном кодексе ССР Армении была введена новая глава «О бытовых преступлениях». По статистике в республике самым распространенным их видом стал брак несовершеннолетних [27, с. 83–84], в том числе на участке Ведибасар, где проживало мусульманское население [27, с. 92]. В мае 1930 г. III Азербайджанское республиканское совещание работников Комиссии по улучшению труда и быта (КУТБ) работниц и крестьянок приняло резолюцию о борьбе с бытовыми преступлениями в республике, в которой предлагалось проводить соответствующие общественные показательные суды, чаще выдвигать работниц и крестьянок на ответственную работу в органах юстиции, активнее пропагандировать советское право и законодательство, касающееся женщин [27, с. 93–94]. Подобные меры практиковались и в других кавказских республиках и национальных образованиях Северного Кавказа.

10 мая 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке зачисления штрафов, налагаемых на основании судебных приговоров по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, а равно сумм, вырванных от реализации конфискованного по приговорам суда имущества по этим делам». Взимаемые штрафы должны были зачисляться в особый фонд и расходоваться на мероприятия по улучшению труда и быта трудящихся женщин. В автономных республиках и автономных областях отчисления шли в

соответствующие фонды, образованные при ЦИКах. Конфискованные строения, как в городе, так и в сельской местности, безвозмездно передавались местным советам для использования их в первую очередь для нужд комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин³.

Таким образом, дагестанские горянки теперь могли добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании общесоюзных, федеральных и дагестанских законов. Во исполнение названного постановления и для ускорения судебного производства и пресечения нарушений, допускаемых в отношении женщины-горянки, а также для популяризации ее прав, Главсуд ДАССР предложил: во-первых, уголовные дела по преступлениям, составляющим пережитки родового быта, рассматривать в пятидневный срок со дня поступления в суд, а наиболее характерные по этим преступлениям дела рассматривать на местах, организовывая показательные процессы; во-вторых, по искам горянок об алиментах и семейно-имущественных разделах придерживаться ранее установленных сроков и во всяком случае рассматривать эти дела не позже 10 дней со дня поступления в суд; в-третьих, по искам о содержании и алиментах использовать право суда по обращению решения к немедленному исполнению, а также прибегать к практике обеспечения исков горянок путем наложения ареста на имущество ответчика.

Помимо этого, судебные исполнители должны были ускорить взыскание денежных средств по исполнительным листам в пользу трудящихся женщин-горянок, обеспечивая контроль за исполнением судебного решения. Также предписывалось разработать практические меры по оказанию правовой помощи горянке через справочные столы, консультации при избах-читальнях, клубах, привлекать в качестве помощников женсекторы, профсоюзы и общественные организации. Для большей информированности женщин о проводимой судами работе в средствах массовой информации, прежде всего в газетах, в том числе и на языках народов Дагестана, должны были систематически публиковаться соответствующие материалы, статьи о правах женщин-горянок.

Поскольку советским законодательством теперь признавались только браки, зарегистрированные в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС), Президиум ДагЦИКа 14 ноября 1930 г. отменил ответственность, которую горцы-мужчины несли за непредставление ими развода по шариату своим бывшим женам после расторжения брака по ЗАГСу. Дела, возбужденные по этому основанию, прекращались. А лица, осужденные за это деяние, немедленно освобождались из-под стражи. Судебно-следственные работники на местах должны были разработать план мероприятий по правовому воспитанию женщин-горянок, исходя из кодекса о браке, семье и опеке и главы X Уголовного Кодекса РСФСР о преступлениях, составляющих пережитки родового

3 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке зачисления штрафов, налагаемых на основании судебных приговоров по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, а равно сумм, вырученных от реализации конфискованного по приговорам суда имущества по этим делам». 10 мая 1930 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 123-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 47.

быта (статьи 196, 197, 198, 199), провести по этому вопросу собрания трудящихся женщин-горянок, учесть все пожелания, которые выскажут собравшиеся горянки в дополнение к существующим советским законам, и передать их в Главсуд или Прокуратуру ДАССР. В циркуляре Главсуда и прокуратуры республики от 14 января 1931 г. говорилось: «Особо разъяснить горянкам, что они имеют такое же право разводиться с мужьями, как и последние, по своему желанию, что регистрация о расторжении брака по ЗАГСу является вполне достаточным оформлением прекращения брака»⁴.

Интереснейшие свидетельства об этой стороне жизни горянок Дагестана отложились в ЦГА РД, в фонде Малки Ионемовны Длугий (Мария Ионовна Длуги – авт.). Уроженка Прибалтики М. Длугий переехала в г. Дербент в 1912 г. После установления в Дагестане советской власти была членом городской большевистской организации, работала в комиссариате просвещения, участвовала в издании газеты «Известия» Дербентского совета депутатов. В годы Гражданской войны выполняла поручения областной партийной организации, в 1919 г. переехала в Ростов, а в 1921 г. вернулась в Дагестан. В обкоме ВКП (б) М. Длугий возглавляла экономический отдел, была членом женской комиссии Дагобкома ВКП (б), работала в редакции газеты «Красный Дагестан». С 1928 по 1931 г. являлась сотрудником Госплана ДАССР и членом редколлегии журнала «Плановое хозяйство Дагестана»⁵. По поручению областного комитета ВКП (б) М. Длугий руководила работой выездной бригады, которая изучала постановку советской работы в аулах Даргинского, Лакского, Хунзахского и Андийского округов. В 1930 г. она участвовала в предвыборной кампании делегатских собраний⁶. В блокнотах М. Длугий «Рукописные записи о ходе коллективизации, о работе сельсоветов» сохранились личные дневниковые заметки и интересные наблюдения о родовых отношениях и обычаях в Дагестане. Из блокнотов М. Длугий: «Даргинский округ. О разводе. Жена уходит к себе, к родителям – ее могут взять назад. Бывают случаи, когда муж не дает развода, она сидит дома, пока он не даст ей шариатского развода. Утверждает уполномоченный, что подобных случаев в течение 5–6 лет не было. Жена берет с собой все, что принесла, и делит пополам приобретенное, изымается в расчет детей»⁷. Насколько точны сведения, сообщенные русскоязычной представительнице властных структур из Махачкалы, сказать трудно. Если исходить из того, что «мусульманское право последовательно проводит принцип раздельности имущества супругов», и «муж не имеет права распоряжаться ни движимым, ни недвижимым имуществом жены» [28, с. 16], то вполне вероятно. Но не исключено, что уполномоченный (видимо в записях М. Длугий речь идет об уполномоченном Контрольной комиссии – авт.), желая положение дел в ауле выставить «в лучшем свете», изложил проверяющей нормы шариата, да и адата [29, с. 269–270].

4 Циркуляр Главсуда и Прокуратуры ДАССР от 14 января 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 123-р. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

5 Длугий М. Автобиография // ЦГА РД. Ф. 1397-р. Оп. 1. Д. 1 – 5; Гаджиев А.-Г. Жизнь, отданная борьбе. Комсомолец Дагестана. 1986. 7 ноября.

6 Длугий М. Автобиография // ЦГА РД. Ф. 1397-р. Оп. 1. Д. 1.

7 Длугий М. Рукописные записи о ходе коллективизации, о работе сельсоветов // Там же. Д. 3. Л. 7 об.

Это вполне допустимо, поскольку в архивных источниках нам чаще встречались факты прямо противоположные. Конечно в том, что именно такие свидетельства отложились в архивах, сыграли роль и идеологическая заданность их содержания, и избирательный подход в их отборе для хранения. Но критический анализ источников разного вида – от информации, содержащейся в документах органов исполнительной и судебной власти, до материалов периодической печати, позволяет сделать вывод, что имущественные права женщин, особенно принявших новую власть и желающих стать или уже ставших активными участниками социалистического строительства, при разводе попирались самым циничным образом.

В 1930 г. заведующая женотделом ДК ВКП (б) Осипова обратилась к прокурору республики Хоружуку с просьбой принять срочные меры в отношении жителя с. Тлярата Тляратинского района Д. Даибова. Мужчина был недоволен тем, что его жена Майрам занялась общественной работой, а вскоре стала председателем сельсовета. Он выгнал супругу из дома, не давая ей никакого имущества несмотря на то, что оно было нажито в совместном 15-летнем браке. Муж не соглашался на развод через ЗАГС, а женщина из-за своих, уже приобретенных, советских, убеждений отказывалась разводиться по шариату⁸.

Зачастую горянку, обратившуюся при отстаивании своих имущественных притязаний за поддержкой в соответствующие инстанции, в органах дознания и в суде даже не допрашивали. В одних случаях ее появлению там угрозам и побоями препятствовал муж. В других, проделавшую долгий, нередко пеший, путь от своего аула до райцентра или до города женщину, отправляли обратно. К слову, в одной из своих рукописей Тату Булач, первая дагестанская комсомолка, писала, что в начале XX в. о женщине-горянке никогда не говорили: «она приехала», а говорили, что «она пришла», поскольку было не принято, чтобы она ездила, она должна была ходить пешком⁹. Подобные «традиции» сохранялись и в 1920-е, и в 1930-е гг. Итак, не приняв горянку, работники правоохранительной или судебной системы, как правило мужчины, ссылались на занятость и советовали ей прийти накануне женского праздника 8 марта, когда уж точно будет повод рассмотреть «женское» дело.

Между тем, участие горянки в суде при разборе дела, с точки зрения власти, имело немалое агитационное и воспитательное значение, а также создавало реальную возможность для предъявления требований на выделение определенной части из имущества мужа. «Суды почти никогда не рассматривают исков о выделении имущества... Вынося обвинительные приговоры они оставляют экономически слабую сторону – горянку – без средств существования. За мужчинами оставалось право на жилище, а женщина с детьми уходила со двора» [30, с. 44]. Прокуроры на слушания таких дел, как правило, не являлись. Такое нарушение

8 Письмо заведующей женотделом ДК ВКП (б) Осиповой прокурору Хоружуку. 1930 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1393. Л. 172.

9 Булач Т. Рукопись о положении женщины-горянки до революции // ЦГА РД. Ф. 1525-р. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.

процессуальных действий препятствовало исполнению решения суда, и горянка была вынуждена или оставаться с мужем, или уходить от него ни с чем.

8 февраля 1931 г. в женотдел ДК ВКП (б) поступило заявление У. Неджафовой из Дербента. Ранее Неджафова подала заявление в Главсуд по поводу развода с мужем Т. Неджафовым и его отказа выдать ей часть имущества. Женщина состояла в браке 8 лет, родила двух детей, вела домашнее хозяйство. Когда же У. Неджафова попросила мужа отпустить ее на учебу, то реакция его была очень жесткой: муж избил супругу, запер в холодном помещении, держал впроголодь. Женщина вынуждена была уехать к старику-отцу в Дербент и подать заявление в судебную инстанцию. Здесь она обратилась с просьбой отправить в суд представителя женотдела для защиты ее прав «как турчанки по новому советскому быту»¹⁰.

Особенности общественного быта народов Северного Кавказа и Дагестана обуславливали основные виды бытовых преступления. Так, главой семьи и распорядителем всех имеющихся ценностей считался мужчина, а женщина ставилась в положение экономической зависимости от отца, от мужа. Мы рассмотрим несколько видов определенных советским законодательством бытовых преступлений в изучаемый период у народов Северного Кавказа, в том числе у народов Дагестана.

В первую очередь, многоженство. И. Грязнов в статье, опубликованной в 1930 г. в журнале «Просвещение национальностей» сообщал, что многоженство встречалось среди более зажиточных горцев, и так описывал сохранившийся обычай по впечатлениям после посещения с. Микрах Докузпаринского района Дагестанской АССР. «У нас на глазах аульный кулак, старик лет пятидесяти, купил себе третью жену, совсем еще девочку. Свое брачное ложе он устроил на новом ковре, вытканном для этого случая руками первой жены. С появлением в сакле молодой жены старая превращается буквально в рабу. Она исполняет самую черную и тяжелую работу, освобождая от нее молодую. Часто дети появляются одновременно у всех жен. Детей рождается много, но много их и умирает. Раннее замужество, частые роды, тяжелая домашняя работа преждевременно старят горянку» [31, с. 85].

Несмотря на экономическую зависимость от мужа, крайне низкий культурный уровень, высокую религиозность в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. горянки все чаще стали проявлять активность в борьбе с многоженством. Интересное суждение об уровне религиозности народов Северного Кавказа высказал Х. Ошаев в журнале «Революция и горец», расположив национальные области Северного Кавказа и Дагестан по убывающей с учетом уровня религиозности и влияния духовенства на население: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Карачай, Кабарда, Черкесия, Адыгея, Осетия. При этом автор отметил, что религиозность в горах была выше, чем на равнине [32, с. 77].

Документы, данные периодических изданий, литературы свидетельствуют о том, что по тем временам мужскую часть населения многоженство вполне

¹⁰ Заявление У. Неджафовой в женотдел ДК ВКП (б) // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1598. Л. 22.

устраивало. «Этот консерватизм проявлялся не только у беспартийной части населения, но подчас и среди членов партии и ответственных работников автономных областей» [30, с. 44]. За 1929 г. в судах национальных областей Северо-Кавказского края (ДАССР в состав Северо-Кавказского края входила в 1931–1936 гг. – *авт.*) по этому вопросу состоялось 53 слушания дел в отношении 55 человек, после рассмотрения которых среди осужденных члены ВКП (б) и ВЛКСМ составили 7,2 % [30, с. 44].

Большинство дел о многоженстве возбуждались по инициативе государственных организаций, средств массовой информации, которым об этом становилось известно, а сравнительно небольшой процент – по обращениям непосредственно жен-горянок, а также женотделов, вступивших за права женщин.

На заседании Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б) (25 марта 1931 г.) один из участников совещания – Викторов – говорил: «Почему мы имели такие случаи, когда наши уполномоченные Контрольной Комиссии не могли бороться с пережитками старого быта? Потому что они сами многоженцы... За время с 9-й Дагпартконференции (1928 г. – *авт.*) ... областная КК привлекла коммунистов за эти пережитки в количестве 30 человек, и не только привлекли, а 20 исключили из партии¹¹. 10 человек исключили именно за многоженство, 5 человек за то, что они крали девушек...»¹². Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что советские акты о наказаниях за совершение бытовых преступлений, как правило, приобретали силу действующего закона, и это подтверждали результаты обследований республиканской Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в лучшем случае в районных центрах, а в аульских сельсоветах попросту ложились на полки местного архива¹³. Заведующая Даготделом работниц и крестьянок Халеева говорила, что «многоженство наблюдается не только среди коренного населения, но и среди русского, и даже среди коммунистов»¹⁴. Контрольная комиссия проводила соответствующую воспитательную работу с коммунистами-многоженцами, а в случае ее слабой действенности принимались «карательные» меры, вплоть до исключения из рядов ВКП (б)¹⁵.

Другой вид преступлений, затрагивающих горянку и квалифицированный советским законодательством как бытовое преступление, был связан с уплатой калыма – обычаем дачи выкупа (деньгами, скотом или другим имуществом) за невесту женихом, его родственниками, предусмотренным обычным правом (адатом) и превращающим невесту в выкупленную собственность. В рассматриваемый период в условиях советской власти традиция уплаты калыма сохранялась. Но выдавался он зачастую в скрытой форме – под видом материальной

11 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 5.

12 Там же. Л. 6.

13 Там же.

14 Там же. Л. 11 – 12.

15 Там же. Л. 10.

помощи родственникам невесты, к примеру, при приобретении приданного, организации свадьбы или в качестве подарков.

По данным судебной практики по Северо-Кавказскому краю, за 1929 г. было заслушано 32 дела в отношении 76 человек. Из них на разные сроки было осуждено 31,6 %, 43,4 % были приговорены к принудительным работам, условный срок наказания получили 15 % осужденных, 10 % по итогам судебных разбирательств было оправдано. Большая часть дел по этой статье (61,8 %) была прекращена в период предварительного расследования [30, с. 46–47].

К третьему виду бытовых преступлений советские законы относили похищение женщин. Это специфическое преступление, которое и по шариату, и по адату влечет за собой кровную месть. Интересно, что в рассматриваемый нами период наблюдался рост преступлений этого вида, что объяснялось «усиленным протестом против выплаты калыма бедняцко-средняцкой частью населения, не могущей в основном окончательно порвать и изжить внутри себя основы адата» [30, с. 47]. К началу 1930-х гг., согласно статистическим данным по Северо-Кавказскому краю, 95 % преступлений по похищению женщин падало на бедняцко-средняцкую часть. Около 30 % приходилось на долю бедняков, а по судебному разбирательству, возбужденному в связи с получением и дачи калыма, они составляли всего 19 % [30, с. 47].

Меры социальной защиты, применяемые судами за умыкание женщин, по мнению властных структур Северо-Кавказского края, были явно недостаточны. По данным прокуратуры автономных образований региона, было вынесено 35,7 % приговоров с лишением свободы на срок более одного года. В решении от 21 мая 1929 г. Президиум Верховного Суда РСФСР посчитал, что по делам, вытекающим из особенностей родового быта, мера социальной защиты, принимаемая судами за умыкание женщин, достаточно сурова. Представители местных органов власти высказывали мнение, что такая оценка объяснялась незнанием мусульманского права и основ горского быта, и с этим преступлением карательные органы должны бороться особенно решительно. Похищение женщины в большинстве случаев сопровождалось насилием, и по адату в глазах населения женщина оказывалась опороченной. В момент похищения или неудавшегося побега могло произойти убийство девушки. А это, как и сам факт похищения, влекло за собой начало кровной мести, которая нередко завершалась новыми убийствами.

Обследование, которое проводила Краевая контрольная комиссия в 1928 г. показало, что культурный уровень осужденных за этот вид преступлений был низким: 40 % неграмотных, 40 % малограмотных, остальные 20 % – с низшим образованием [30, с. 40]. Одним из условий сокращения количества этих преступлений должно было стать повышение общего культурного и образовательного уровня не только мужского, но и женского населения. По мнению власти, горянка также должна была стать активной участницей процесса коллективизации, «ибо это и есть вернейшее орудие ее освобождения от цепей адата, от многовековых страданий и позора» [30, с. 50].

В рассматриваемые годы нередкими стали такие тяжкие преступления, как убийства женщин, связанные с противодействием политике советской власти по «раскрепощению» женщины-горянки, вовлечению ее в экономическую и общественно-политическую жизнь, повышению ее культурного уровня. На уже упомянутом нами заседании ДКК и женсовета Дагобкома ВКП (б) член женсовета Багаева с возмущением говорила, что раскрепощение женщин числится только на бумаге. «Говоришь, доказываешь, что убийство произошло на почве того, что женщина занимается общественной работой, за то, что она ушла от мужа, а его оправдывают причиной, что он убил из-за ревности»¹⁶.

В 1931 г. в с. Каранай Буйнакского района была убита К. Дадаева. Вопреки воле своих родителей и других близких родственников она вступила в комсомол и колхоз, стала вести активную общественную работу. Убийство совершил ее брат, работник милиции конного завода, после чего добровольно явился в правоохранительные органы. Соучастниками преступления оказались несколько человек, в том числе мать девушки и двое ее братьев, один из которых был несовершеннолетним¹⁷. Обстоятельства произошедшего говорили о том, что злодеяние было совершено осознанно, в полной убежденности в правоте своих действий, отвечающих требованиям адата.

В 1932 г. в Левашинском районе были убиты 12 женщин¹⁸, в том числе 3 женщины-активистки [16, с. 118]. В с. Тебекли-Махи секретарь партийной ячейки убил свою жену – кандидата в члены ВКП (б). Делегатка Зури Мусаева была убита за то, что сообщила об укрываемом имуществе кулаков¹⁹. Факты убийства женщин имелись и в Кахибском районе.

В документах конца 1920 – первой половины 1930-х гг., особенно в сводках Дагестанского отдела ОГПУ встречаются сведения о преступлениях, в том числе убийствах, совершаемых на почве уклонения от уплаты алиментов. Случалось, что муж, опасаясь раздела имущества и обязательства дальнейшего обеспечения жены, убивал свою супругу и даже ребенка. Женщины-активистки, делегатки, работницы женотделов, обращаясь к представителям власти, просили при решении вопроса о раскрепощении горянок и проведении среди них работы, начинать с работы среди мужчин. Они жаловались, что советские суды в первую очередь разбирают дела кресткомов, советских учреждений, а «алиментные» дела оставляют без рассмотрения²⁰. В принципе, такая практика сложилась по всей стране. Так, в 1934 г. в суды РСФСР было подано 200 тыс. заявлений о взыскании алиментов со скрывавшихся от семьи отцов. Местные судебные органы, перегруженные политическими делами, откладывали рассмотрение исков об алиментах

16 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 17.

17 Информационная сводка ОГПУ по Буйнакскому району. 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 44. Л. 45-46.

18 Докладная записка инструктора женсектора Дагобкома ВКП (б) Алиевой. 1932 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1919. Л. 49.

19 Докладная записка инструктора женсектора Дагобкома ВКП (б) Алиевой. 1932 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1919. Л. 49.

20 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 19 – 20.

на более поздние сроки, тем более что возникали определенные трудности при розыске ответчиков. В итоге до половины судебных решений о взыскании алиментов оставались неисполненными [16, с. 220].

Противники власти предпринимали активные попытки использовать женщин-горянок в антисоветской борьбе. Ю.Ю. Карпов назвал «традиционными» практиками действия активистов группировок (в частности, духовенства), недовольных проводимой властью политикой и организовывавших публичные выступления женщин [33, с. 235]. В этом им помогали слухи, распространяемые о советской власти, коммунистах и женщинах. По сводкам ОГПУ в феврале 1930 г. на ст. Хасавюрт группой антисоветски настроенных лиц распространялись слухи, что после проведения коллективизации все женщины станут общим достоянием: муж не будет знать жену, а жена – мужа. Подобные слухи вызывали недовольство среди женщин, которые заявляли, что, «мол, лучше пусть убьют, а в колхоз не пойдем»²¹. В феврале 1930 г. вернувшийся из Чечни житель Цумадинского района Дагестанской АССР, говорил, что везде в колхозы загоняют силой, а женщины в коммунах станут общими²². По сводке ОГПУ от 16 марта 1930 г., около 500 женщин из сел. Нарки и Наки Акушинского района, «разогретые» подобными страхами, попытались отбить у правоохранителей арестованного шейха Наркинского (старшего мюрида Али-Хаджи Акушинского)²³. 15 марта 1930 г. в сел. Костек Хасавюртовского района проходил сход по вопросам культурного строительства, на котором население стало требовать роспуска колхоза. Громче других голосов звучали требования женщин²⁴. Когда в сел. Н. Казанище Буйнакского района в сентябре 1930 г. возникли споры по вопросам землеустройства, инициаторами проявления отрицательных настроений опять-таки стали женщины²⁵.

Среди исследователей есть мнение, что слухи, распространяемые противниками советской власти, наподобие тех, что «в колхозе жены общие», являются прямым отражением общественных настроений и могут рассматриваться как прямое свидетельство массового нежелания крестьян идти в колхозы [34, с. 8]. На наш взгляд, природа их происхождения и распространение не поддаются такому однозначному толкованию, поскольку зачастую менялись местами причины и следствие: появившиеся слухи формировали общественное мнение, «подогревали» антиколхозные настроения селян, в том числе женщин, побуждали их к выступлениям против власти. Использовались они определенной частью сельского общества, местным духовенством для решения своих личных проблем. Но, безусловно, нельзя снимать со счетов, что нередко одной из причин этих выступлений становились непродуманные действия власти при проведении политики коллективизации. Ю.Ю. Карпов в этой связи высказал мнение о том, что подобная активность женщин объяснялась не только тем, что

21 Сводки ОГПУ за февраль 1930 г. // ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 21. Л. 200.

22 Там же. Л. 235.

23 Сводка ОГПУ от 16 марта 1930 г. о положении в Акушинском районе // Там же. Л. 236.

24 Сводка ОГПУ от 15 марта 1930 г. о положении в Хасавюртовском районе // Там же. Л. 243.

25 Сводка ОГПУ от 17 сентября 1930 г. по Буйнакскому району // Там же. Д. 26. Л. 114 – 114 об.

они исполняли свой, как они его понимали, гражданский долг, но и замещали мужчин, вынужденно сдержанных, чтобы не допустить критического обострения ситуации и негативных последствий [33, с. 235].

Анализ оказавшихся в нашем распоряжении материалов показал, что реалии новой жизни медленно, но верно утверждались в дагестанском обществе, а женщины-горянки все чаще становились активными участниками решения хозяйственных, культурных и государственных вопросов. Ярким подтверждением этому может стать тот факт, что в рассматриваемые годы многие из них заняли должности председателей сельсоветов, членов правлений колхозов, исполнительных комитетов, стали учителями, врачами и т.д., а также избирались в органы власти республиканского уровня. Так, в состав Дагестанского центрального исполнительного комитета в 1935 г. было избрано 40 женщин²⁶, в состав Президиума ЦИК ДАССР вошли 2 женщины – А. Османова и В. Тулупова, а в состав Совнаркома ДАССР – Р. Магомаева²⁷.

Таким образом, в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Советское государство поэтапно и планомерно осуществляло вовлечение женщин во все сферы жизни дагестанского общества. Советская власть с социально-классовых позиций рассматривала женщин как многочисленную (так, к концу 1930-х гг. доля женщин в общей численности населения Дагестанской АССР составляла 51 %, в сельской местности – 52 % [35, с. 24]) эксплуатируемую группу населения и стала активно привлекать их в качестве своего союзника к социалистическим преобразованиям. В целом по стране в 1932–1933 гг. женщины стали единственным источником новых трудовых ресурсов для развивающейся советской экономики [36, с. 10–12].

Юридическое и экономическое равноправие мужчин и женщин, зафиксированное в декретах советской власти и статьях Конституции, соответствующих законодательных актах создавало условия для радикального изменения правового положения женщины-горянки. Теперь дагестанские горянки могли добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании общесоюзных, федеральных и дагестанских законов, а также получили возможность рассчитывать на поддержку государственных организаций, средств массовой информации, женотделов, вступавшихся за права женщин.

В то же время документы, материалы, периодической печати содержат немало призывов со стороны активных участников решения женского вопроса о том, что раскрепощение горянок следовало начинать с работы среди мужчин, которым еще предстояло преодолеть стереотипы, связанные с фактическим изменением положения женщин в условиях новой формации. И хотя советское законодательство в области семейно-брачных отношений создавало условия для появления новых взаимоотношений мужчины и женщины, в том числе дагестанского мужчины-горца и женщины-горянки, преобладание традицион-

26 Состав Дагестанского Центрального исполнительного комитета // Дагестанская правда. 1935. 9 января.

27 Состав Президиума ЦИК ДАССР и состав СНК ДАССР // Дагестанская правда. 1935. 18 февраля.

ной формы семьи продолжало обеспечиваться строжайшим социальным контролем со стороны традиционно ориентированного дагестанского общества.

Настоящее исследование выполнено на междисциплинарном уровне, вносит определенный вклад в разработку проблем региональной гендерной, политической, социальной истории, истории повседневности и свидетельствует о необходимости отказываться от иллюстративности «женской темы» в освещении актуальных проблем новейшей отечественной истории.

Статья подготовлена в рамках планового научного исследования коллективной темы «Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в первой половине XX века» Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3 (60). С. 12.
2. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории*. 2010. Т. 3. № 2. С. 51–64
3. Хасбулатова О.А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918 – 2015 гг.: историко-социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3/4 (76/77). С. 3–16.
4. Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. – М.: Новый хронограф, 2011. – 528 с.: ил.
5. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 412 с.: ил.
6. Юдина Т.Ф. Правовой статус женщин в Советском государстве в 20 – 30 гг.: некоторые аспекты социализации // *Эволюция и революция в праве. Сборник научных статей*. – Самара: Издательство «Инсома-Пресс», 2018. – С. 119–131.
7. Лушников А.М. «Женский вопрос» и отечественное трудовое право: историко-правовой очерк // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 3 (52). С. 182–189.
8. Силин А.В. Эмансипация по-большевистски: вовлечение женщин в профессиональное образование и производительный труд в 1920-е годы // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 1. С. 191–194.
9. Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 208 с.: ил.
10. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 352 с.: ил.
11. Фицпатрик III. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 422 с.

REFERENCES

1. Khasbulatova OA. Realities of Russian gender policy in the XXI century [Realii rossiyskoy gendernoy politiki v XXI stoletii] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2011;3(60):12.
2. Pushkareva NL. Women's and Gender History: Results and Development Prospects in Russia [Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii] *Historical Psychology and Sociology of History [Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii]*. 2010;3(2):51-64.
3. Khasbulatova OA. Professional education of men and women in Russia in 1918–2015: historical and sociological analysis [Professional'noye obrazovaniye muzhchin i zhenshchin v Rossii v 1918–2015 gg.: istoriko-sotsiologicheskiy analiz] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2015;3/4(76/77):3-16.
4. Denisova LN. *Russian peasant woman in Soviet and post-Soviet Russia [Russkaya krest'yanka v sovetskoy i postsovetskoy Rossii]*. Moscow: Novy khronograf, 2011:528.
5. Karpov YuYu. *Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus [Zhenskoye prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza]*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2001:412.
6. Yudina TF. The legal status of women in the Soviet state in 20-30 years: some aspects of socialization [Pravovoy status zhenshchin v Sovetskom gosudarstve v 20 – 30 gg.: nekotoryye aspekty sotsializatsii] *Evolution and revolution in law. Collection of scientific articles [Evolutsiya i revolyutsiya v prave. Sbornik nauchnykh statey]*. Samara: Publishing house "Insoma-Press", 2018:119-131.
7. Lushnikov AM. "Women's question" and domestic labor law: a historical and legal study [«Zhenskiy vopros» i otechestvennoye trudovoye pravo: istoriko-pravovoy ocherk] *Actual problems of Russian law [Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava]*. 2015;3(52):182-189.
8. Silin AV. Bolshevik Emancipation: Involvement of Women in Professional Education and Productive Labor in the 1920s [Emansipatsiya po-bol'shevistski: вовлечение zhenshchin v professional'noye obrazovaniye i proizvoditel'nyy trud v 1920-ye gody] *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences [Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk]*. 2013; 1:191-194.
9. Leбина N. *Man and Woman: Body, Fashion, Culture. USSR – thaw [Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel']*. Moscow: Modern literary review, 2018:208.
10. Goldman VZ. *Women at the gate. Gender relations in the Soviet industry (1917-1937) [Zhenshchiny u*

12. Делалой М. Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 375 с.: ил.
13. Ahmed L. Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate. – New Haven: Yale University Press, 1992. – 296 p.
14. Омаров С.М. Женское образование в Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1960. – 36 с.
15. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920 – 1940 гг.). – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1960. – 184 с.
16. Гасанова А.И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1963. – 158 с.
17. Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г. Женщины Советского Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 144 с.: ил.
18. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. – Махачкала: Бари, 1998. – 308 с.
19. Кундакбаева Ж.Б. Модели самоидентификации женщин Казахстана ранней советской эпохи (1920–1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 110–118.
20. Бечелов З.Ш., Абазова М.В. Женщины Кабардино-Балкарии в годы первых пятилеток // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 104–113. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.10.
21. Коновалов А.А., Битокова Т.В. Основные факторы эмансипации и трансформации гендерных ролей женщин Кабардино-Балкарии в 1920 – 1950 гг. // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 52–56.
22. Тедеева Н.В. Изменения в сфере семьи и брака женщин Северной Осетии в контексте советских модернизационных процессов 1920 – 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 183 – 186.
23. Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1 – 2. С. 31–35.
24. Текуева М.А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Санкт-Петербург: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 149–152.
25. Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 гг.) // Социальная история / Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 303–329.
26. Максимов А.А. Особенности правового положения женщин в Советской России // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 2 (23). С. 130–139.
27. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. 1917–1936 гг.: Сборник документов и материалов. Ред. кол. К. С. Кузнецова (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.; 8 л. ил.
28. Бобровников В.О. Женщина в шариае и горских адатах // Женщина и ислам: сб. ст. / под ред. А.К. Бустанова. – М.: Дизайн Тим, 2017. – С. 9–18.
- prokhodnoy. *Gendernyye otnosheniya v sovetsoy indus-trii (1917–1937 gg.)*. Moscow: Russian Political Encycloped-ia (ROSSPEN), 2010:352.
11. Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village [Stalinskiye krest'ya-ne. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001:422.
12. Delaloy M. *Mustache and Skirts. Gender relations within the Kremlin circle in the Stalin era (1928-1953) [Usy i yubki. Gendernyye otnosheniya vnutri kremlevskogo kruga v stalinskuyu epokhu (1928–1953)]*. Moscow: Political encyclopedia, 2018:375.
13. Ahmed L. *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven: Yale University Press, 1992. (In Eng.).
14. Omarov SM. *Women's education in Dagestan [Zhenshchiny obrazovaniye v Dagestane]*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1960:36.
15. Kaimarazov GSh. *Cultural construction in Dagestan (1920 – 1940) [Kul'turnoye stroitel'stvo v Dagestane (1920–1940 gg.)]*. Makhachkala: Dagestan affiliation of the USSR Academy of Sciences, 1960:184.
16. Gasanova AI. *Emancipation of a Mountainous Woman in Dagestan (1920-1940) [Raskreposhcheniye zhenshchiny-goryanki v Dagestane (1920–1940 gg.)]*. Makhachkala: Dagestan affiliation of the USSR Academy of Sciences, 1963:158.
17. Gadzhieva SSh., Meleshko AG. *Women of Soviet Dagestan [Zhenshchiny Sovetskogo Dagestana]*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1960:144.
18. Mirzabekov MYa. *The culture of the Dagestan vil-lage. XX century: history, problems [Kul'tura dagestanskogo sela. XX vek: istoriya, problemy]*. Makhachkala: Bari, 1998:308.
19. Kundakbaeva ZhB. Models of self-identification of women in Kazakhstan in the early Soviet era (1920-1930s) [Modeli samoidentifikatsii zhenshchin Kazakhstana ranney sovetskoy epokhi (1920-1930-ye gg.)] *Ural Historical Bulletin [Ural'skiy istoricheskiy vestnik]*. 2017;3(56):110-118.
20. Bechelov ZSh., Abazova MV. Women of Kabardino-Balkaria during the first five-year plans [Zhenshchiny Kabardino-Balkarii v gody perykh pyatiletok] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2017;4(85):104-113. DOI: 10.21064 / WinRS.2017.4.10.
21. Konovalov AA., Bitokova TV. The main factors of emancipation and transformation of gender roles of women in Kabardino-Balkaria in 1920-1950 [Osnovnyye faktory emansipatsii i transformatsii gendernykh roley zhenshchin Kabardino-Balkarii v 1920-1950 gg.] *Manuscript*. 2019;12(6):52-56.
22. Tedeveva NV. Changes in the sphere of family and marriage of women in North Ossetia in the context of Soviet modernization processes of the 1920s – 1930s [Izmeneniya v sfere sem'i i braka zhenshchin Severnoy Osetii v kontekste sovetskikh modernizatsionnykh protsessov 1920 – 1930-kh godov] *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice [Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki]*. Tambov: Certificate, 2014;4 (42): in 2 parts, Part 2:183-186.
23. Khasbulatova OA. Women and Education in Russia: A Historical Overview (1860-2000) [Zhenshchiny i obrazovaniye v Rossii: istoricheskiy obzor (1860-2000 gg.)] *Woman in Russian Society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2003;1-2:31-35.
24. Tekueva MA. Emancipation of women in the North Caucasus: difficulties in translation from Russian into Kabardian [Emansipatsiya zhenshchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskiy] *Pro-*

29. Ада́ты, по которым разбираются и решаются гражданские споры. Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ XVII – XIX вв.: Архивные материалы. Сост. предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. – С. 269 – 270.

30. Дзедзиев Н.И. Бытовые преступления и правовое положение горянки // Революция и горец. 1924. № 11-12.

31. Грязнов И. По лезгинским аулам // Просвещение национальностей. 1930. № 6. С. 85 (с. 84 – 87).

32. Ошаев Х. Вопросы антирелигиозной пропаганды и задачи антирелигиозного воспитания в горской школе // Революция и горец. 1931. № 6 – 7. С. 77 (с. 72 – 83).

33. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. – 400 с.

34. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 536 с.: ил.

35. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

36. Труд в СССР. Статистический справочник. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 386 с.

ceedings of the XIII MAPRYAL Congress: in 15 volumes [Materialy XIII kongressa MAPRYAL: v 15 tomakh] St. Petersburg: International non-commercial partnership of teachers of Russian language and literature “MAPRYAL”, 2015: 149-152.

25. Tekueva MA. “Solution” to the women’s question in Kabardino-Balkaria (1917-1941) [«Resheniye» zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917-1941 gg.)] *Social history / Yearbook [Sotsial'naya istoriya / Yezhegodnik]*. 2008. St. Petersburg: Aleteya, 2009: 303-329.

26. Maksimov AA. Features of the legal status of women in Soviet Russia [Osobennosti pravovogo polozheniya zhenshchin v Sovetskoy Rossii] *Bulletin of MIEP*. 2016; (23):130-139.

27. *Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia. 1917-1936: Collection of documents and materials [Velikiy Oktyabr' i raskrepostcheniye zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya. 1917-1936 gg.: Sbornik dokumentov i materialov]*. Ed. board: K.S. Kuznetsova (chief ed.) and others. Moscow: Mysl, 1979:350.

28. Bobrovnikov VO. Woman in Sharia and Mountain Adats [Zhenshchina v shariate i gorskikh adatakh] *Woman and Islam: Collection of articles [Zhenshchina i islam: sb. st.]* / ed. by AK. Bustanova. Moscow: Dizart Tim, 2017:9-18.

29. Adats, according to which civil disputes are examined and resolved. Collection of adats of Tarkovsky Shamkhalstvo and Mehtulinsky Khanate [Adaty, po kotorym razbirayutsya i reshayutsya grazhdanskiye spory. *Sbornik adatov shamkhal'stva Tarkovskogo i khanstva Mekhtulinskogo*] *Laws of free societies of the 17th – 19th centuries: Archival material [Zakony vol'nykh obshchestv XVII-XIX vv.: Arkhiunyye materialy]*. Comp., foreword, note H.-M. Khashaev; ed. G.-A. Daniyalov. Makhachkala: Epokha, 2007:269-270.

30. Dzedziev NI. Domestic crimes and the legal status of a mountain woman [Bytovyye prestupleniya i pravovoye polozheniye goryanki] *Revolution and highlander [Revol'yutsiya i gorets]*. 1924:11-12.

31. Gryaznov I. Across the Lezgin auls [Po lezginским аулам] *Education of nationalities [Prosveshcheniye national'nostey]*. 1930;6:85 (84-87).

32. Oshaev H. Questions of anti-religious propaganda and the tasks of anti-religious education in the highland school [Voprosy antireligioznoy propagandy i zadachi antireligioznogo vospitaniya v gorskoy shkole] *Revolution and highlander [Revol'yutsiya i gorets]*. 1931;6-7:77(72-83).

33. Karpov YuYu. *National policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 1920s and 1930s. XX century: evolution of problems and solutions [Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20 – 30-ye gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy]*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2017:400.

34. Arkhipova A., Kirzyuk A. *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR [Opasnyye sovetskiye veshchi: Gorodskiy legendy i strakhi v SSSR]*. Moscow: New literary review, 2020:536.

35. *All-Union Population Census of 1939: general results [Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnyye itogi]* ed. YuA. Polyakov. Moscow: Nauka, 1992:256.

36. *Labor in the USSR. Statistical referencebook [Trud v SSSR. Statisticheskiy spravochnik]*. Moscow: TSUNKHU Gosplan USSR, 1936:386.

Статья поступила в редакцию 05.11.2020 г.